

Звезды под дождем

Автор:

Владислав Крапивин

Звезды под дождем

Владислав Петрович Крапивин

Славка знал наизусть все созвездия и мечтал нарисовать их на зонте. Как это было бы замечательно – зонт стал бы маленьким планетарием! Но как найти в мире взрослых человека, который позволит реализовать такую затею...

Владислав Крапивин

Звезды под дождем

* * *

Дождь шел давно.

Отражения фонарей растекались по черному асфальту, как яичные желтки по сковородке.

Деревья, дома, газетные киоски и гипсовые горнисты у входа в маленький сквер привыкли к такой погоде. Они уже вымокли как только могли, и теперь им было все равно. И каждый продолжал заниматься своим делом: деревья качали ветками, заборы держали на себе сырые афиши о приезде Московского цирка, дома хлопали парадными дверями и светили разноцветными окнами, а горнисты держали у губ свои фанфары и готовились затрубить, если что-нибудь случится.

Только газетные киоски ничего не делали. Они уже были закрыты и тоскливо глядели темными стеклами.

А трамваям дождь нравился. Вымытые вагончики так сверкали красными боками, словно их только что выпустили с завода. Они бегали по городу особенно резво, звонили весело-весело и на каждом стыке проводов рассыпали изумрудные влажные искры. Это были даже не искры, а лоскутки зеленого пламени. Они сыпались на мокрые крыши трамваев, на блестящий асфальт и шипели.

К маленькому скверу, который охраняли гипсовые горнисты, подкатил трамвай из трех вагонов. Пассажиров было немного, и кондукторша хвостового вагона дремала, опустив подбородок на грудь. Это была опытная кондукторша и, даже задремав, сохраняла строгий вид. Со стороны казалось, что она просто рассматривает висящую на груди сумку со сверкающим запором и голубыми катушками билетов.

Она проснулась, как только в вагон вошел мальчик.

– Бери-ка билет! Ну, живенько!

Мальчик сунул руку в карман куртки. Потом пошарил в карманах брюк. Он не нашел трех копеек и молча повернулся, чтобы уйти.

– А ну постой...

Кондукторша уже совсем прогнала дремоту. Она глянула вслед мальчику и поняла, что он долго шел под дождем. Волосы его слиплись в длинные пряди, а на шее склеились в тонкую косичку. Капли скатывались по косичке за воротник разбухшей от дождя куртки. В ботинках, конечно, хлюпало.

– А ну постой! – прикрикнула кондукторша. – Гордый какой... Куда едешь-то на ночь глядя?

– До цирка, – сказал мальчик и обернулся. Ему было все равно. Он даже не помнил точно, идет ли этот трамвай до цирка.

Кондукторша, ворча, оторвала билет:

– Возьми. А то пойдет контролер...

Мальчик взял билет мокрыми пальцами. Он не сказал спасибо: наверно, забыл. А может быть, не хотел. Он стоял и, прищурившись, смотрел, как за окном плещется дождь. Мальчик не боялся дождя и в трамвай сел только для того, чтобы дальше уехать от дома.

Куда? Хоть куда. Его гнала обида.

Вагон дернулся и пошел.

Кондукторша снова опустила на грудь подбородок. И снова стало казаться, что она рассматривает сумку с голубыми роликами билетов.

Трамвайные лампочки горели дрожащим светом. Во время дождя лампочки всегда светят слабее. А по мокрым стеклам пролетали разноцветные пятна – от зеленых и красных букв на горящих вывесках магазинов. Это было красиво. Но мальчик совсем не думал о разноцветных пятнах. Он смотрел, все так же прищурившись и опустив уголки губ. И думал совсем о другом.

Потом ему захотелось сесть. Он почувствовал, что устал. Человек быстро устает, если у него обида. Она оттягивает плечи в сто раз сильнее, чем тяжелая намокшая куртка. Куртку, в конце концов, можно снять и выжать. А что делать с обидой?

Мальчик решил ехать. Просто сидеть и просто ехать, пока идет трамвай. А что будет потом, он и сам не знал. В вагоне было много свободных мест, но мальчик не хотел садиться рядом со взрослыми. Они будут сердито поджимать губы, хмуриться и отодвигаться от промокшего насквозь мальчишки.

На одной из скамеек устроилась у окна девчонка.

Мальчик видел светлые завитки на ее затылке, маленькие косы с растрепанными концами и откинутый серый капюшон, усыпанный темными крапинками дождя.

Мальчик шагнул к скамейке и мельком глянул на девчонку. Она оторвалась от окна, чтобы тоже взглянуть на незваного мокрого соседа. И от неожиданности мальчик чуть не сказал "здравствуй".

Это была знакомая девчонка.

Правда, не очень знакомая. Мальчик ее знал, а она его, наверно, не знала.

Осенью, зимой и весной он встречал ее почти каждый день.

Он учился в двадцать первой школе, а она, видимо, в тридцать второй. И, наверно, тоже в шестом классе. По крайней мере, уроки у них всегда кончались в одно время. Домой мальчик шел по Садовой, а девочка – по Чехова. На Первомайской они попадались навстречу друг другу.

Мальчик сначала не обращал внимания. Обыкновенная девчонка. И запомнил ее он только потому, что у нее была черная меховая шапка, похожая на свернувшуюся кошку. И было немножко смешно смотреть, как большая шапка напозала на лоб, когда девочка спешила. А она почти всегда спешила: ходила быстро, чуть наклонялась вперед и нетерпеливо глядела на подруг. И куда торопилась? Из-под шапки маленькими соломенными кольцами выбивались волосы и перепутывались с длинным черным мехом. В общем, самая обыкновенная девчонка. Мальчик просто привык видеть ее по дороге из школы. Так же, как привык видеть, например, милиционера в стеклянной будке на углу или часы на здании сельхозтехникума. А может быть, и не так... По крайней мере, когда сняли часы, он не чувствовал никакого беспокойства, а когда целую неделю не встречал на Первомайской эту девчонку, шевелилась какая-то тревога. А когда встретил снова, почему-то стало весело. И тогда он разозлился, покраснел и украдкой глянул на Серегу Дерябина, который вышагивал рядом. И решил с тех пор на девчонку ни разу больше не смотреть. Больно ему надо тарашить глаза на встречных девчонок!

Но человеческий характер устроен очень глупо. Только что-нибудь решишь – сразу же хочется сделать наоборот.

А однажды в конце марта, когда была уже настоящая весна, вдруг юго-западный тяжелый ветер забил небо серыми облаками, и начал падать липкий снег. Падал и падал, гнул тополя, затягивал черные лужи, цеплялся за провода. Сам

просился в ладони, которые ловко лепят скрипучие шарики снежки.

- Полундр-ра! - процедил Серега, когда шли из школы. - Прямо по курсу противник!

Противник в черной шапке шел навстречу. Он, как всегда, торопился и о коварных дерябинских планах не догадывался.

Серега нагнулся за снегом. Нагнулся и мальчик. Взять да и засадить по мохнатой шапке! Тогда узнает... А Дерябин уже щурил левый глаз и отводил назад руку со снежком. Рука у него была точная, глаз тоже точный. И как это получилось? Мальчик вмиг распрямился и, будто случайно, закрыл девочку.

А потом, повернув к Сереге заляпанное снегом лицо, сказал сквозь зубы:

- Глядеть надо!

Ничего не ответил раздосадованный и смущенный Дерябин. Разве он мог догадаться?..

Пришло лето, и мальчик перестал ее встречать. И забыл. Но сейчас он сразу узнал ее, хотя не было шапки, похожей на лохматую кошку.

Мальчик сел рядом. Он сел осторожно и все-таки зацепил ногой зонт, который лежал на коленях у девочки. Нахмурился, отвернулся и неловко мазнул ее мокрым рукавом по плащу.

- Не бойся, он непромокаемый, - сказала девочка, потому что мальчик суетливо прижал свой локоть и отодвинулся на самый краешек.

- Никто и не боится, - пробормотал он и стал рассматривать пол трамвая.

Пол был покрыт решеткой из тонких реек. К рейкам прилипли намокшие билетки.

- Плохо, когда без зонта, - негромко сказала девочка.

В ее словах не было девчоночьей жалости. Было только скуповатое сочувствие. И мальчик, подумав, ответил:

- Чего ж хорошего...

- А дождь все хлещет.

Это было уже лишнее. Видно, ей просто хотелось поговорить. И, кроме того, дождь не хлестал. Он сыпал частые капли. Мальчик так и сказал:

- Ой, "хлещет"... Не сочиняй.

- Это я сочиняю? - обиделась она. - Ну и пусть. На небе ни облачка, на улице сухо. И ты совсем сухой.

- Тебе хорошо, - сердито усмехнулся мальчик. - В плаще да еще под зонтом. Как под крышей.

- Мне хорошо, - сразу согласилась девочка и почему-то вздохнула. Потом сказала: - Зонтик не мой. Мамин. Она впереди сидит, вон там... А ты почему без зонтика?

- У меня нет зонта, - отчетливо произнес мальчик. - А если бы он был, я сейчас сидел бы дома. В том-то и дело.

Он с удовольствием увидел, что девочка удивилась.

- Без зонта ходишь под дождем, а с зонтом... дома?

- Да, - сказал мальчик. Сжал губы и прищурился. - Что, непонятно?

- Ты вообще какой-то... - немного обиженно сказала она.

- Какой? - хмуро спросил он и добавил: - Что я, виноват? Раз так получилось...

- Как?

Это слово девочка произнесла очень равнодушно. Будто просто из вежливости. Но мальчик видел, что ей интересно. Он перестал сердито щуриться.

Все-таки это была немного знакомая девчонка и разговаривала с ним, как со знакомым. И однажды он спас ее от прямого попадания снежком. А снежок был крепкий. Правда, она ничего не знала, но это, подумал мальчик, даже лучше. А рассказать про свою неудачу хотелось. Ведь даже самым сильным и гордым людям хочется иногда поделиться с кем-нибудь своей горечью. От этого делается легче.

– Понимаешь... – вздохнул мальчик и пошевелил раскисшим ботинком. – Понимаешь, – повторил он уже решительнее, – я сделал открытие.

Он хотел сказать "изобретение", но получилось не так. Слово «открытие» само прыгнуло с языка. И, может быть, мальчик был прав.

Для него это и в самом деле было открытием. Оно случилось три дня назад. Тогда еще не было дождя, а было яркое солнце. Мальчик стоял на крыше сарая и держал над собой зонт.

– Прыгай! – кричали внизу мальчишки.

Мальчик не прыгал.

– Забоялся, – сказал самый маленький и толстый из приятелей и презрительно оттопырил губу.

Мальчик молчал.

С земли сарай казался очень обыкновенным: старым и невысоким. До нижней кромки пологой крыши всего три метра. Обыкновенным был и мальчик. Невысокий, тонкорукый, с выгоревшими волосами, по которым уже скучали ножницы. Загорелый, как и все мальчишки в августе. В майке, которая выбилась из-под ремня. Конечно, он не очень походил на героя. Но ведь и трусом до сих пор, кажется, не был.

А сейчас стоит и не прыгает.

– Забраться да как дать ему! – предложила тощая белобрысая девчонка, одна из тех девчонок, которые всегда вместе с мальчишками участвуют во всех опасных делах. – Тебе говорят! Прыгай давай! Или съезжай на брюхе! А других не задерживай.

Мальчик не отвечал.

В небе двигались облака. Большие, круглые, как желтые аэростаты. И сарай, который казался с земли очень обыкновенным, плыл навстречу облакам, будто поднятый в небо корабль.

А двор напоминал поверхность планеты, увиденную с космической высоты. Островки пыльной травы, пересыпанной седыми шариками одуванчиков, были похожи на зеленый архипелаг, а дождевая вода в бочке у сарая, словно круглое озеро в отвесных берегах, светилось голубой синевой.

Мальчик любил всему на свете давать имена и названия. Они всегда придумывались сразу. Зеркальце воды в бочке он назвал Озером Синего Света, а пятна травы Архипелагом Неизведанных Лесов...

– Да прыгай же! – Это изо всех сил крикнула белобрысая девчонка.

Мальчик наконец спохватился: да, пора.

И поднял зонт.

Черный зонт был похож на купол цирка, уменьшенный в сотни раз. Только под куполом всегда сверкали лампы, а здесь было темно. Лишь одиноко светилось крошечное отверстие. Как прокол иголки. Микроскопическая капля неба горела в нем, словно синяя звезда на темном небосводе.

– Синий Сириус, – шепотом сказал мальчик, и в нем шевельнулось предчувствие близкой радости.

Он опустил зонт совсем низко, так что волосы на макушке коснулись шуршащего полотна. Теперь мальчик видел только землю, а вместо неба везде была черная материя, насквозь прогретая солнцем и почему-то пахнувшая клеем. Л

Купити: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/zvezdy-pod-dozhdem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)